

XI.

Еще небесное свѣтило
 Росистый дугъ не обсушило;
 Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
 Склонился дикій виноградникъ,
 Его серебрянымъ дождемъ
 Осыпанъ часто конь и всадникъ.
 Но вотъ остановился онъ,
 Какъ новой мыслью пораженъ,
 Смущенный взглядъ кругомъ обводитъ—
 Чего-то, мнится, не находитъ,
 То пустить онъ коня стремглавъ,
 То остановить и, привставъ
 На стремена, дрожить, пылаетъ—
 Все пусто. Онъ съ коня слѣзаетъ,
 Къ землѣ сырой главу склоняетъ,
 И слышитъ только шелестъ травъ...
 Все одичало, онѣмѣло.
 Тоскою грудь его полна...
 Скажу ль? За кровлю сакли бѣлой,
 За близкій топотъ табуна
 Тогда онъ миръ бы отдать цѣлый.

XII.

Кто жъ этотъ путникъ? Русскій? Нѣтъ.
 На немъ чекмень, простой бешметъ,
 Чело подъ шапкою косматой;
 Ножны кинжала, пистолетъ
 Блестятъ нарядной неботатой;
 И перетануть онъ ремнемъ,
 И шашка чуть звенитъ на немъ.
 Ружье, мотаясь за плечами,
 Блѣдетъ въ шерстяномъ чехлѣ.
 И какъ же горца на сѣдлѣ
 Не различить мнѣ съ казаками?
 Я не ошибся—онъ черкесь.
 Но смуглый цвѣтъ почти исчезъ
 Съ его ланитъ; снѣга и выюга,
 И холодъ сѣверныхъ небесъ,
 Конечно, смыли краску юга,
 Но видно все, что онъ черкесь.
 Густыя брови, взглядъ орлиный,
 Рѣсницы длинны и черны,
 Движенья быстры и вольны.
 Отвергнувъ онъ обрядъ чужбины,
 Не собиравъ бородки и усовъ,
 И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
 Какъ брызги пѣны у береговъ.
 Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ
 Своей отчизны не оставилъ...
 Но горе, горе, если онъ,
 Храня людей суровыхъ мѣтныя,
 Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
 Въ Европѣ душой зараженъ!
 Старикъ для чувствъ и наслажденья,
 Безъ сѣдины между волосъ,
 Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
 Такъ непокойно, такъ игриво,
 Онъ сердце мертвое принесъ?

XIII.

Какъ наши юноши, онъ молодъ,
 И хладенъ блескъ его очей;
 Поверхность темную морей
 Такъ покрываетъ ранній холодъ
 Корой ледяною своей
 До первой бури. Чувства, страсти,
 Въ очахъ навѣки догорѣвъ,
 Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
 Глубоко въ сердцѣ, но ихъ власти
 Оно никакъ не избѣжитъ.
 Пусть будетъ это сердце камень—
 Ихъ пробужденный адскій пламень
 И камень углемъ раскалитъ.

XIV.

И все прошедшее явилось,
 Какъ тѣнь умершаго, ему.
 Все съ этихъ поръ переѣнилось,
 Богъ вѣсть, и какъ, и почему.
 Онъ въ поле выѣхалъ пустое—
 Вдругъ слышитъ выстрѣлъ—что такое?
 Какъ будто насмѣхъ, звукъ одинъ
 Жилецъ ущелій и стремнинъ
 Трикраты отзывъ повторяетъ.
 Кинжалъ свой путникъ вынимаетъ,
 И вотъ съ винтовкой безъ штыка
 Въ кустахъ онъ видитъ казака;
 Предъ нимъ фазанъ окровавленный,
 Рососо съ листьевъ окропленный,
 Блистая радужнымъ хвостомъ,
 Лежалъ въ травѣ, пробитъ свинцомъ.
 И ближе путникъ подъѣзжаетъ,
 И чистымъ русскимъ языкомъ:
 «Казакъ, скажи мнѣ», вопрошаетъ,
 «Давно ли пусто здѣсь кругомъ?»
 — «Съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ устре-
 Неустрашимый твой народъ; [шпиля
 Въ чужихъ горахъ отъ насъ онъ скрылся...
 Тому сегодня пятый годъ.»

XV.

Казакъ умолкъ. Но что съ тобою,
 Черкесь? Зачѣмъ твоя рука
 Подъята съ шапкой роковой?
 Прости улыбку казака!
 Увы! свершилось наказанье:
 Въ крови, безъ чувства, безъ дыханья,
 Лежитъ насмѣшливый казакъ.
 Черкесь глядитъ на ликъ холодный.
 Въ немъ пробудился духъ природный:
 Онъ пощадить не могъ никакъ,
 Онъ удержать не могъ удара.
 Какъ въ тучахъ зарево пожара,
 Какъ лава огни по полямъ,
 Большой румянецъ по щекамъ
 Его разлился; и блистали,
 Какъ лезвіе кровавой стали,
 Глаза его—и въ этотъ мигъ
 Душа и адъ—все было въ нихъ!
 Оборотясь съ улыбкой злобой,
 Черкесь на сѣверъ кинулъ взглядъ—